

*Головащенко С. И.*

---

**Предыстория русской  
Толковой Библии в Киевской  
Духовной Академии («Правила  
для руководства при составлении  
объяснительных примечаний  
к русскому тексту Библии»  
А. А. Олесницкого)**

**В** этой статье мы хотим обратить внимание читателей, главным образом, на документ, родившийся в начале 1877 года в Киевской Духовной Академии (далее — КДА) в ответ на специальное поручение Святейшего Синода. Этот документ представляет несомненный интерес. Во-первых, потому что возник он при своеобразных идейных и культурных обстоятельствах. Во-вторых, контекстуальный анализ этого документа может, по нашему мнению, прибавить нечто к прояснению и теоретической реконструкции основных идейных принципов и герменевтических программ, определявших развитие библиологии в КДА в конце XIX — начале XX века.

Согласно указу Святейшего Синода от 20 ноября 1876 года за № 3723, Киевской Духовной Академии поручалось составить пояснительные примечания к русскому тексту Библии, а именно — к учительным книгам Ветхого Завета. Совет Академии 22 декабря 1876 года поручил сформулировать принципы и правила, соответствующие этой работе, экстраординарному профессору КДА Акиму Алексеичу Олесницкому (1842–1907). Профессор Олесницкий такие правила составил, и 28 января 1877 года они были представлены к рассмотрению специальной комиссии<sup>1</sup>. В целом положительный отзыв комиссии с рекомендациями внедрения составленных профессором Олесницким правил содержится в Протоколе общего собрания Совета Академии от 25 февраля 1877 года<sup>2</sup>.

Поручение это, как видим, было дано А. А. Олесницкому почти сразу после защиты им диссертации на соискание ученой степени

---

<sup>1</sup> См.: Протоколы заседаний Совета Киевской Духовной Академии за 1876/77 уч. год // Труды Киевской Духовной Академии (далее — ТКДА). 1877. Т. 3. Приложение. С. 194.

<sup>2</sup> Там же. С. 231.

доктора богословия<sup>3</sup>. Совет КДА таким образом продемонстрировал высокую степень доверия к уровню образованности и практической подготовки Олесницкого как библеиста — исследователя и преподавателя. Соответственно, значимыми должны были стать и основания для такого поручения. Основания эти были поистине всероссийскими и были заложены появлением в 1876 году полного русского перевода Библии — Синодального. Синодальный перевод оказался внутренне противоречивым — в принципах создания текста, в результатах работы, в идейных обстоятельствах, сопровождавших появление перевода и вхождение его в тогдашнюю церковную и культурную жизнь.

Этот перевод, по выражению историка-современника, создавался как «памятник церковный» и одновременно «народный»<sup>4</sup>. Объективно он должен был удовлетворить потребность в общедоступном и общепонятном библейском тексте. Еще до его появления говорилось об «общем ощущении потребности в переводе Библии на русский язык». Утверждалась необходимость компенсировать «темноту и неуверенность» многих мест славянского текста, которые, в свою очередь, вызывали массовое обращение мирян к иностранным переводам, как к «мутным водам, чтобы хоть как-то утолить свою жажду». При этом обращение к иноземным переводам производилось и с целью разъяснения смысла библейского текста, ибо «темнота славянского текста настолько велика, что читатель не только не видит в тексте отношения к предмету языка, но и мысли, в то время как общее направление нынешнего времени ищет именно ясности понятий». Для нашей же темы показательным является следующее: создание «верного перевода», сопоставленного как с греческим текстом, так и с еврейским, при условии минимального отклонения от славянского перевода, рекомендовалось сопровождать введениями к каждой книге и пояснительными примеча-

<sup>3</sup> Докторский диспут состоялся 16 декабря 1876 года. А. А. Олесницкий представлял на степень доктора богословия свой труд «Иерусалим и его древние памятники» — первую часть отчета о научном путешествии в Палестину под общим названием «Святая Земля». Оппонентами были ординарный профессор архимандрит Сильвестр и экстраординарный профессор П. Линицкий (см.: Отчет о состоянии Киевской Духовной Академии в 1876/77 учебном году // ТКДА. 1878. № 1. С. 36–37). Перед тем Совет КДА 26 ноября 1876 года рассмотрел соответствующее представление богословского отделения Академии, а также отзывы будущих оппонентов (см.: Протоколы заседаний Совета Киевской Духовной Академии за 1876/77 уч. год // ТКДА. 1877. Т. 2. Приложения. С. 127–151). Указ Св. Синода от 24 июня 1877 года за № 2085 об утверждении экстраординарного профессора КДА А. Олесницкого в степени доктора богословия был оглашен на заседании Совета КДА 16 августа 1877 года (см.: Протоколы заседаний Совета Киевской духовной Академии за 1877/78 учебный год. Киев: Типография В. Давиденко, 1878. С. 4.)

<sup>4</sup> Чистович И. А. История перевода Библии на русский язык. Изд. 2-е. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1899. С. 334 (репринтное воспроизведение издания 1899 года — М.: Росс. Библ. Об-во, 1997).

ниями, чтобы «неудобопонятные места не создавали повода для ложных толкований»<sup>5</sup>.

Однако оказалось, что и сам Синодальный перевод требовал пояснений. Показательно критическое свидетельство современника, в целом сочувственно относившегося к этому переводу: «Эта система перевода... является довольно неопределенной и не поддается каким-либо точным правилам. Смешение... двух текстов с предпочтением в одном случае еврейского, в другом греческого было и навсегда останется делом произвола переводчиков, и не существует никаких способов положить конец этому произволу. Некоторые герменевтические правила... не оказывают помощи и не ограничивают произвола во всём бесконечном разнообразии различий между еврейским и греческим текстами...»<sup>6</sup>

Критическую по отношению к Синодальному переводу позицию занимал, как известно, духовный писатель и экзегет святитель Феофан (Говоров), который в разные годы был и преподавателем ряда духовных школ, и ректором Санкт-Петербургской Духовной Академии. Он критиковал русский перевод именно за «несогласие со славянским текстом» как за вещь «неуместную» и «грешную»<sup>7</sup>. Высказываясь порой очень резко по поводу этого перевода, называя его «мусором и половой»<sup>8</sup>, святитель Феофан признавал-таки «полезность и поучительность» Синодальной Библии именно как «книги для чтения», но не как священного текста, наделенного «догматическим авторитетом»<sup>9</sup>. Несмотря на откровенно фундаменталистский характер такой позиции, она основывалась на достаточно массовой реакции на новый библейский перевод среди духовенства и мирян и отражала реальную проблему — как идейную, так и герменевтическую.

Победило всё же стремление церковных властей, оставив Синодальный перевод Библии книгой для учительного чтения, придать ему авторитет в глазах верующих. Стремление это было вполне понятным в контексте противодействия протестантским религиозным движениям, активно апеллировавшим к тексту Библии, а также атеизму и свободомыслию, соединенному с социалистическими идеями, укреплявшимися тогда не только в России, но и в мире.

Так, в 1869 году, еще перед окончательным изданием полной Синодальной Библии, императором и Синодом было одобрено основание миссионерского «Общества для распространения Священного Пи-

<sup>5</sup> Цит. по: Чистович И. А. История перевода Библии. С. 139.

<sup>6</sup> Там же. С. 339–340.

<sup>7</sup> См., напр.: Феофан (Говоров), еп. Об употреблении нового перевода ветхозаветных Писаний // Душеполезные чтения. 1876. Сентябрь. С. 3.

<sup>8</sup> Цит. по: Горский-Платонов П. И. Несколько слов о статье Преосвященного епископа Феофана // По поводу издания священных книг Ветхого Завета в русском переводе. М., 1876. С. 17.

<sup>9</sup> См.: Феофан (Говоров), еп. Указ. соч. // Душеполезные чтения. 1876. Сентябрь. С. 6.

сания в России». Общество действовало посредством православных приходских священников и специальных книгонош, которыми могли быть и люди, способные не только продавать книги, но и разъяснять и толковать Библию. Аналогичные задачи ставились и перед рядом иных обществ, братств, кружков, вечерних и воскресных школ и курсов, организованных при участии православных священников. Наиболее известным тут стало основанное в 1881 году «Общество по распространению религиозно-морального просвещения в духе Православной Церкви». В таких условиях Св. Синод и поставил перед духовными академиями задачу подготовиться к составлению большой Толковой Библии на основе Синодального перевода. Соответственно, так и возникли условия для появления «Правил» А. А. Олесницкого<sup>10</sup>.

\* \* \*

Уже в первом пункте т. н. «общей» части «Правил» указывалось, что «примечания должны быть популярными». Тут отразилась отмеченная уже ориентация на массового читателя, поскольку Синодальный перевод стал библейским текстом, официально разрешенным или даже предназначенным для массового чтения верующими. Предостережения против чрезмерного применения «критических приемов», «специального анализа», «ссылок на научные исследования и комментарии» имели, как видно, двоякое значение. С одной стороны, это было стремление избежать массового в тогдашней академической среде увлечения иностранными источниками и методами, как правило, небесспорными для православного прочтения Священного Писания. С другой, программно-позитивной стороны, тут проявились устремления актуализировать для современности и для широких масс верующих родное святоотеческое наследие<sup>11</sup>. Вместе с этим автор «Правил» как ученый библиист не мог не использовать возможности расширить круг источников и сведений для разъяснения текста Библии. Хотя и рискуя утратой задекларированной «популярности» (в данном случае за этим стояли известные образы «Православия» и «народности»), Олесницкий действовал по принципу: «что не запрещено, то разрешено».

<sup>10</sup> См.: Правила для руководства при предполагаемом составлении в Киевской Духовной Академии объяснительных примечаний к русскому тексту Библии (учительных книг), составленные по поручению Совета Академии экстраординарным профессором Ак. Олесницким // Протоколы заседаний Совета Киевской Духовной Академии за 1876/77 уч. год // ТКДА. 1877. Т. 3. Приложение. С. 231–237.

<sup>11</sup> Сам Олесницкий впоследствии стал известен как исследователь и систематизатор святоотеческой исагогики и экзегетики. Его исагогический сборник (Олесницкий А. А. Руководственные о Священном Писании Ветхого и Нового Завета сведения из творений святых отцов и учителей Церкви. СПб., 1894) был одобрен современниками. Этот труд стал хрестоматийным и до сих пор актуален как ценное собрание традиционных церковных взглядов на атрибуцию, обстоятельства написания и правила толкования библейских книг.

В «общих» правилах 2-м, 3-м и 4-м, где шла речь о необходимости достигать изложения «категорического», «короткого», «связанного с текстом», также можно заметить ориентацию на достижение популярности примечаний. Однако конкретное содержание этих правил в целом носило прагматический характер и ориентировало скорее на оптимизацию изложения в соответствии с задачами самих примечаний, жанром и содержанием объясняемого текста: «Поскольку содержание учительных книг является религиозно-учительным, то именно эту сторону дела, главным образом, и будут иметь в виду примечания. Хотя в зависимости от характера текста в состав примечаний могут включаться сведения из разных отраслей науки, но лишь в такой мере, которая необходима для уяснения данного места, взятого в себе самом». Конкретизируется также задача избегать чрезмерного академизма, а также «школьной» детализации: «Абстрактные рассуждения о движении мысли текста, так же как и все вопросы, составляющие предмет науки введения в Св. Писание, не будут иметь места».

Основная формула 5-го «общего» правила гласила: «Примечания делаются по порядку текста русского Синодального перевода и подстрочно. Каждое примечание будет стоять независимо от остальных, имея перед собой сноску в таком виде: Пс. 10, ст. 4; далее идет выражение, требующее пояснения, и само пояснение». Будучи, на первый взгляд, чисто формальным, это предложение на более глубоком уровне фиксировало и нормировало удовлетворение важной потребности в выработке демократичного жанра «Толковой Библии»: общедоступного библейского текста с популярными по форме и содержанию объяснительными примечаниями.

Особое внимание исследователя привлекают 20 пунктов так называемых «специальных» правил, формально развивавших 5-й пункт правил «общих». В этих «специальных» пунктах формулируются критерии, согласно которым должны были определяться библейские слова и выражения, требующие пояснения в будущих подстрочных примечаниях.

Критерии эти, в свою очередь, — и это важно подчеркнуть — были определены и сформулированы А. А. Олесницким на основании определенной исагогической и герменевтической программы. Такая программа, во-первых, объективно была результатом эволюции самого Олесницкого как библеиста — специалиста по древнееврейскому языку и библейской археологии, талантливого исследователя и преподавателя. Причем мировоззренческая и интеллектуальная позиция Олесницкого характерна противоречивым взаимодействием качеств критически настроенного ученого-исследователя с одной стороны и апологетически ангажированного профессора церковного учебного заведения, государственного чиновника — с другой стороны.

Во-вторых, эта программа стала проявлением сложной духовно-интеллектуальной эволюции киевского (возможно, и шире — всероссийского) духовно-академического сообщества, которое во второй половине XIX — начале XX века развивалось на фоне взаимодействия внешних и внутренних тенденций. Так, полемика с либеральными и рационалистическими течениями в тогдашней западной инославной библеистике объективно определяла необходимость критической рецепции результатов, принципов и подходов в различных отраслях библейских исследований. Эта полемика значительно влияла на проблематику и содержание поисков в области библейской исагогики и герменевтики. В сложном взаимодействии внутренних потребностей и внешних влияний развивалась также библейская текстология. Интенсивное освоение славянских, греческих, еврейских библейских текстов в XIX веке стимулировалось процессом создания ряда переводов Писания (в частности, переводы Российского Библейского Общества, Синодальный перевод). Внешними же стимулами соответствующих поисков стали палеографические и текстологические достижения западных исследователей второй половины XIX века, мощное развитие текстуральной критики, критики источников и литературной формы, мировая практика подготовки критических изданий Библии. Важным становился вопрос о возможности становления православной библеистики как систематизированной отрасли знания и учебной дисциплины. Проблема изложения знаний о Библии тесно связывалась с церковно-дидактическими задачами духовно-академического богословия. Подготовка учебников по исагогике («Введение в Библию»), по герменевтике, поиски путей изложения научного материала, согласованного с церковной традицией, были актуальными задачами, привлекавшими внимание представителей киевской духовно-академической школы. И, как видим, в этом ключе стояла и задача создания популярной Толковой Библии.

Большинство известных киевских православных библеистов исследуемого периода исповедовало принципы так называемой «старой» исагогики и герменевтики, основанные на опыте святоотеческой библейской экзегезы. Постепенно, наряду с отрицанием протестантского либерализма и разных форм рационализма в библеистике как принципиально внецерковных феноменов, часто в ходе полемики православными усваивались продуктивные результаты в области исторической, литературной и других форм библейской критики. Православная традиция двигалась путем постепенного усвоения историко-критических методов, утверждения возможности и необходимости учитывать как филологические, так и историко-культурные, а также духовно-психологические измерения текста, вообще единство текста и контекста. Постепенно библейская критика и историко-контекстуальный анализ признавались в качестве важной предпосылки для экзегезы. Эта умеренная и компро-

миссная рецепция позднее получила наименование «новой исагогики» и «новой экзегезы»<sup>12</sup>. В таком контексте и нужно оценивать «специальные» правила А. Олесницкого — как феномен, не только отражавший особенности индивидуальных библиологических воззрений, но также выражавший определенную корпоративную позицию (учитывая одобрение этого документа экспертами и Советом КДА).

«Специальные» правила — 1-е, 2-е, 3-е, а также 16-е и 17-е — отразили потребность в разрешении коллизии, связанной с Синодальным переводом Библии. Рожденный в пространстве соприкосновения текстов масоретского и Септуагинты (далее — LXX), церковнославянского и частично латинской Вульгаты, Синодальный перевод сам по себе представлял и текстуальную, и герменевтическую проблему. Отмеченная как участниками, так и наблюдателями переводческого процесса на протяжении всего XIX века, эта проблема неминуемо требовала прагматического решения. Версию такого решения на основе оптимального сопоставления разных языковых традиций для популярного разъяснения трудных мест русского перевода и предложил в названных «специальных» правилах А. А. Олесницкий.

От простого пояснения — «перевода либо перифраза» — еврейских, греческих и славянских слов, оставшихся в русском тексте без перевода (правила 1-е, 2-е, 3-е), автор «Правил» двигался в сторону уточнения и раскрытия смысла «мест сомнительных», русский перевод которых стал результатом критического сопоставления греческого, славянского и масоретского текстов Библии. Здесь Олесницкий допускал в комментариях возможность «предположений относительно мысли, выраженной текстом, выдвинутых на основании древних переводов и соответствующих соображений» (правило 16-е), а также «указаний на различия масоретского и LXX» и «отклонений греческого текста от еврейского в кругу учительных книг», причем греческий вариант текста предлагалось полностью помещать в примечаниях (правило 17-е). Что касается конкретно этого правила, то в нём, возможно, отразилась профессиональная позиция самого А. Олесницкого как гебраиста и переводчика, склонного принимать именно «еврейский оригинал»<sup>13</sup>.

Впрочем, такая позиция оказалась конгениальной позиции переводчиков учительных книг Ветхого Завета — авторов Синодального перевода. Ведь текстологические и переводческие предпочтения, в зна-

<sup>12</sup> Мне уже доводилось писать об этом. См.: Головащенко С. І. Київська духовно-академічна традиція XIX — початку XX ст. в історії вітчизняного біблієзнавства // Наукові записки НаУКМА. Т. 19. Філософія та релігієзнавство. К.: Стилос, 2001. С. 87–96.

<sup>13</sup> А. А. Олесницкий и сам был вовлечен в переводческую деятельность в подготовительный период, предшествовавший появлению ветхозаветного Синодального текста: его переводы пророческих книг Исаии, Иеремии, Иезекииля, Даниила печатались в «Трудах КДА» на протяжении 1865–1873 гг.

чительной мере заимствованные из европейской библеистики, часто из протестантской среды, были весьма распространены среди профессуры российских духовных академий.

Большинство «специальных» правил Олесницкого апеллировало к историческому, культурному, географическому контексту при разъяснении тех или иных библейских сообщений, представленных в Синодальном тексте Писания. Здесь автор снова органично проявился как библеист-профессионал, основной сферой научных интересов которого, кроме древнееврейского языка<sup>14</sup>, библейской текстологии, литературной критики<sup>15</sup>, были ветхозаветная история, география, религиозная и общественная жизнь, культура повседневного быта, спроектированные в современность через призму библейской археологии<sup>16</sup>.

Так, в качестве предмета для разъяснения Олесницкий отметил отсутствующие в общедоступных учебных источниках (по выражению автора: в «общей географии» и «общей истории») собственные имена

<sup>14</sup> См.: Олесницкий А. А. Древнееврейская музыка и пение // ТКДА. 1871. № 11. С. 107–161; № 12. С. 368–417. Его же. Ритм и метр в ветхозаветной поэзии // ТКДА. 1872. № 10. С. 242–294; № 11. С. 403–472; № 12. С. 501–592.

<sup>15</sup> См.: Олесницкий А. А. Вставки в книгу Иисуса Навина 21:42 и 24:30 по поводу 70-ти и мнение о них // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1878. № 1. Его же. Тенденциозные корректуры иудейских книжников (соферимов) в чтении Ветхого Завета // ТКДА. 1879. № 5. С. 3–54. Его же. Книга Песнь Песней (Шир га-Ширим) и ее новейшие критики // ТКДА. 1881. № 4. С. 367–451; № 5. С. 45–77; № 7. С. 255–323; № 12. С. 405–465; 1882. № 1. С. 1–44; № 3. С. 171–201; № 6. С. 190–207; № 9. С. 3–51. Его же. Книга Псалтирь Соломоновых и ее новейшие критики // ТКДА. 1883. № 11. С. 333–395; № 12. С. 535–616.

<sup>16</sup> Незадолго до описываемых здесь событий, в 1873–1874 гг., А. А. Олесницкий осуществил свою первую научную экспедицию в Палестину (см.: Отчет о состоянии Киевской Духовной Академии в 1874/75 учебном году // ТКДА. 1875. № 11. С. 53). Результатом стал большой труд по библейской археологии, истории и географии, в качестве научного отчета публиковавшийся в «Трудах КДА» на протяжении 1875–1878 гг., а также вышедший отдельным изданием (см.: Олесницкий А. А. Святая Земля. Отчет по командировке в Палестину и прилегающие к ней страны 1873–74. Т. 1–2. Киев, 1875–78). Опыт первой экспедиции в Палестину был отражен и в других публикациях этого периода (см.: Олесницкий А. А. Судьбы древних памятников Святой Земли // ТКДА. 1875. № 11. С. 1–2. Его же. Путешествие одного египтянина в Палестину, Сирию и Финикию в XIV в. пред Р. Х. (новый источник для библейской географии) // ТКДА. 1876. № 3. С. 452–509. Его же. Вопрос о новейших открытиях моавитских древностей // ТКДА. 1877. № 10. С. 2–78. Его же. О том, как доктор Сепп открыл древний храм Ваала между Иерусалимом и Вифлеемом // ТКДА. 1878. № 3. С. 637–657. Его же. Гробница Аарона на горе Ор // ТКДА. 1879. № 3. С. 356–371). Впоследствии Олесницкий неоднократно посещал Святую Землю в 1886, 1889, 1891 годах и принимал активное участие в исследованиях древних памятников (см.: Олесницкий А. А. По вопросу о раскопках 1883 г. на русском месте в Иерусалиме. СПб., 1886. Его же. Ветхозаветный Храм в Иерусалиме. СПб. 1889. Его же. Мегалитические памятники Святой Земли. СПб., 1895). Соединяя достижения современной ему европейской библейской археологии с собственным исследовательским опытом, А. А. Олесницкий стал одним из первых в Российской империи специалистов по этой науке в современном ее понимании. Венцом научного и педагогического творчества Олесницкого в этой области стал курс по библейской археологии, который уже после смерти автора начал публиковать его ученик и биограф В. П. Рыбинский (см.: Олесницкий А. А. Библейская археология / Под ред. и с дополнениями В. П. Рыбинского. Ч. I. Религиозные древности. Вып. I. Петроград: Издание Российского Палестинского Общества, 1920).



персонажей, народов, названия местностей, малоизвестных растений и животных, специфически выраженные названия известных мест (правила 4-е, 5-е, 6-е), «технические выражения» или незнакомые читателю еврейские музыкальные термины в надписаниях к псалмам (правила 7-е и 18-е). Здесь требовалось раскрытие преимущественно «простого значения» в «короткой фразе» и «простом высказывании».

Однако в некоторых случаях при необходимости предлагалось контекстуальное пояснение: «указать особенность, на которую в данном месте намекает контекст»; дать «разъяснение исторических обстоятельств с той стороны, с которой они входят в текст», а также «разъяснение намеков на народные обычаи и установления, народные верования древних евреев или вообще древних народов, указаний на неизвестные памятники искусства и другие предметы или орудия». Не случайным также было внимание Олесницкого как филолога-гебраиста к потребности в истолковании несовершенно переданных по-русски особенностей ветхозаветной поэтики и литературной формы: «метафорических выражений и идиотизмов (идиом)», «притчевых выражений», выражений, значение которых «может быть пояснено особенностями еврейского языка и словоупотребления отдельных писателей», значение «предложений многочленных или высказанных в форме периодов, если в них неясно соотношение между членами или если это соотношение следует понимать по-особенному».

Наконец, последние из «специальных» правил (19-е и 20-е) касались унификации базы источников для составления примечаний, а также координации усилий всех духовных академий в создании будущей «полной комментированной Библии». Будучи формально организационными, эти правила, тем не менее, выявляли своеобразность идеологии и методологических оснований для этой деятельности, реальных при тогдашних обстоятельствах. Так, А. Олесницкий рекомендовал (правило 19-е), избегая противоречий в системе примечаний, «применяться к одному из существующих комментариев, указанных Св. Синодом для руководства при изучении Св. Писания, лучше всего к классическому комментарию Кейля и Делича». Тут шла речь о многотомном комментарии<sup>17</sup>, одобренном Синодом для употребления в преподавании Священного Писания в духовных академиях Российской империи. Комментарий этот представлял в целом консервативную исагогическую

<sup>17</sup> См.: Keil C. F. und Delitzsch F. *Biblischer Commentar über das Alte Testament. Theile I–V: I Th. 1 B. die Bücher Moses; II Th. Profetische Geschichtsbücher; 1 B. das Buch Iosua, Richter, Ruth; 2 B. die Bücher Samuels, 3 B. die Bücher der Könige; III Th. profetische Bücher: 1B. der Profet Iesaia, 2 B. der Profet Jeremia und die Klagelieder, 3 B. der Profet Ezechiel, 4 B. die zwölf kleinen Profeten, 5 B. der Profet Daniel; IV Th. Poetische Bücher: 1 B. die Psalmen, 2 B. das Iob, 3 B. das Solomonische Spruchbuch, 4 B. Holeslied und Koheleth; V Th. Die Nachexilischen Geschichtsbücher: Chronik, Esra, Nehemia und Esther; VI Th. Die Bücher der Makkabäer.* Leipzig, 1861–1875.

и экзегетическую линию<sup>18</sup>, противостоял либеральным методам исследования Библии, известным тогда среди российских библеистов, в частности, по трудам Де Ветте<sup>19</sup>.

\* \* \*

В связи с «Правилами» А. А. Олесницкого, на первый взгляд неожиданно, оказались еще два документа, появившиеся спустя два десятилетия после описываемых здесь событий, а именно в 1896 году. Один из них — записка профессора Санкт-Петербургской духовной академии Н. Н. Глубоковского с изложением соображений относительно изменений в программе и методах преподавания Священного Писания в духовных семинариях. Эта записка указом Святейшего Синода за № 429 от 24 января 1896 года была сделана предметом обсуждения в духовных академиях империи<sup>20</sup>. Вторым документом стало заключение созданной по запросу Синода комиссии в составе преподавателей КДА — профессоров С. М. Сольского, А. А. Олесницкого (!), Ф. И. Покровского и доцента В. П. Рыбинского — относительно соображений и предложений профессора Глубоковского<sup>21</sup>.

Связь этих документов с «Правилами» А. А. Олесницкого 1877 года оказалась, на наш взгляд, неслучайной. Характер обсуждения преподавания Библии в духовных семинариях, инициированного Синодом в 1896 году, высветил, хотя и в несколько специфическом ракурсе, тот же самый круг проблем, связанный с восприятием библейского текста в массовом религиозном сознании. Ведь духовные семинарии как раз и готовили приходских священников — основных «медиаторов» между церковной традицией, официальной позицией Церкви с одной стороны и повседневной религиозной практикой широких православных масс — с другой.

Некоторые детали обсуждения прямо вводят нас в тот же самый культурный, идейный и методологический контекст, в котором были инициированы и выработаны «Правила» А. А. Олесницкого. В частности, профессор Глубоковский в своей записке критически анализировал се-

<sup>18</sup> В эти же годы в КДА был осуществлен и опубликован, кстати, под редакцией проф. А. А. Олесницкого, перевод еще одной большой работы К. Ф. Кейля (см: Руководство к библейской археологии. Ч. 1. Богослужбные отношения израильтян. Карла Фридриха Кейля, доктора и профессора богословия, члена Немецкого восточного и историко-теологического общества в Лейпциге. Перевод с немецкого под редакцией А. Олесницкого // ТКДА. 1871. № 12. С. 1–48; 1872. №№ 1, 3, 7, 9, 11, 12. С. 49–288; 1873. №№ 1–7, 9–12. С. 289–464; 1874. №№ 1–7. С. 465–592. Ч. 2. Гражданственно-социальные отношения израильтян // ТКДА. 1874. №№ 9, 11. С. 1–32; 1875. №№ 2–4, 6–8, 10, 12. С. 33–208; 1876. № 2, 4–10, 12. С. 209–384).

<sup>19</sup> См. известный тогда труд В. М. Л. Де Ветте, посвященный учительным книгам Ветхого Завета: *Commentar über die Psalmen*. Heidelberg, 1811; 2-те Auflage. Heidelberg, 1823.

<sup>20</sup> См.: Протоколы заседаний Совета Киевской Духовной Академии за 1895/96 уч. год // ТКДА. 1896. Т. 2. Приложение. С. 98–112.

<sup>21</sup> См.: Протоколы заседаний Совета Киевской духовной Академии за 1896/97 уч. год // ТКДА. 1897. Т. 3. Приложение. С. 81–85.

минарскую программу преподавания Священного Писания 1867 года. А именно тогда и создавалась ветхозаветная часть будущего Синодального перевода. Также тогда господствовали именно те принципы, правила и привычки в преподавании Писания, которые в 1877 году пытался скорректировать А. Олесницкий с целью как можно более удачной популяризации огромнейшего массива традиционных и новейших знаний о Библии и интеграции этих знаний с русским библейским текстом. Вот и Н. Н. Глубоковский, критикуя опасное и сомнительное «превосходство вводных и пояснительных знаний над экзегетическими», акцентируя на «руководящих основаниях, которых держалась Церковь в определении достоинства священных писаний», призывая сосредоточиться на «теоретически-фактическом обосновании полной веры в нерушимость канона», предложил правило, перекликавшееся с одним из «общих» правил А. А. Олесницкого. Так, Глубоковский предлагал главное внимание при изложении Священного Писания направлять «преимущественно на изучение содержания священных книг по самим текстам, а не по школьным пособиям, и на точность усвоения мыслей в их подлинной связи и последовательности... Всякие другие сопутствующие сведения подаются только в той мере, в какой они являются необходимыми для достижения этой цели и не препятствуют этому»<sup>22</sup>.

Источники же этих «сопутствующих сведений» должны быть по преимуществу традиционно-церковными, — главным образом, святоотеческими. Н. Н. Глубоковский одобряет как пример «удовлетворительного» и «полезного» применения предложенного им принципа петербургское 1894 года издание исагогической хрестоматии «Руководственные о Священном Писании Ветхого и Нового Завета сведения из творений святых отцов и учителей Церкви», составленной А. А. Олесницким<sup>23</sup>.

Однако наиболее показательным стало то, что в выводах Киевской академической комиссии в ответ на соображения и предложения Н. Н. Глубоковского прозвучали мысли о необходимости «издания школьной учебной Библии», которая одновременно была бы «*надлежащей Толковой Библией*» (курсив мой — С. Г.). Какую роль тут сыграли объективные обстоятельства и потребности, а в какой мере эти формулировки появились под влиянием самого А. А. Олесницкого как члена комиссии, нет смысла гадать; однако такое влияние нельзя и отрицать. Ведь некоторые методические требования, высказанные профессорами КДА относительно желательного будущего варианта «учебной», или «Толковой», Библии для семинарий, совпадали с требованиями,

<sup>22</sup> См.: Протоколы заседаний Совета Киевской Духовной Академии за 1895/96 уч. год // ТКДА. 1896. Т. 2. Приложение. С. 102–104.

<sup>23</sup> Там же. С. 104. См. собственноручные примечания Н. Н. Глубоковского.

когда-то сформулированными Олесницким применительно к будущей толковой версии Синодального перевода, предназначенной «для домашнего поучения» широких православных масс. Например, «школьная учебная Библия», по мысли киевских профессоров, должна была быть издана «с короткими вступительными ведомостями в начале каждой библейской книги и главы», к тому же «снабжена в *подстрочных примечаниях* всеми теми пояснениями неясных мест, которые необходимы ученикам, да и *всем вообще православным читателям Слова Божьего*» (курсив мой — С. Г.)<sup>24</sup>. Здесь мы видим практически полное совпадение с положениями 1-го и 5-го «общих» правил А. Олесницкого 1877 года.

\* \* \*

Так причудливо напомнили о себе в 1896 году «Правила» А. А. Олесницкого 1877 года. В единую цепочку выстраивается ряд событий: неосуществленный на протяжении двадцати лет проект создания популярной полной Толковой Библии, — затем новое провозглашение настоятельной нужды в тексте такого жанра и масштаба, — словно «припоминание» и реартикуляция спустя годы прежних принципов и предложений, — участие А. А. Олесницкого во всех этих событиях.

Спустя несколько лет после обсуждения предложений профессора Глубоковского известный представитель российской библейско-богословской школы второй половины XIX — начала XX века, преподаватель Санкт-Петербургской Духовной Академии по кафедрам сравнительного богословия и древней общей гражданской истории А. П. Лопухин (1852–1904) начал создание первой полной Толковой Библии на основе Синодального перевода, известной как «Толковая Библия, или Комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Заветов»<sup>25</sup>. Лопухин успел подготовить лишь первый том, охватывавший Пятикнижие (вышел в 1904 году уже после смерти ученого), однако придал этим трудам настолько мощный импульс и общественное значение, что издание было продолжено усилиями профессуры всех четырех православных духовных академий. Среди авторов пояснительных материалов к этой Толковой Библии были и представители библейско-богословской школы КДА, в частности, протоиерей Александр Глаголев, В. П. Рыбинский, М. Н. Скабалланович.

<sup>24</sup> См.: Протоколы заседаний Совета Киевской Духовной Академии за 1896/97 уч. год // ТКДА. 1897. Т. 3. Приложение. С. 82–84.

<sup>25</sup> Лопухин был также редактором первых томов «Православной богословской энциклопедии», библейско-исторического раздела 1-го издания энциклопедии Брокгауза и Ефрона, «Общедоступной богословской библиотеки», журналов «Церковный вестник» и «Странник», приложением к которому и выходила инициированная им Толковая Библия. См. о нём, напр.: Юревич Димитрий, диак. Александр Павлович Лопухин: жизненный подвиг «аскета ученого труда» (к 150-летию со дня рождения) // Журнал Санкт-Петербургской епархии «Церковный вестник». 2002. № 10.

Толковая Библия Лопухина (далее — ТБЛ), завершенная в 1913 году в 12 томах (11 за нумерацией и дополнительный том 7а, вышедший вместе с 11-м), увековечила имя своего инициатора и стала первым и наиболее масштабным православным библейско-богословским проектом в XX веке. Будучи задуманной в качестве популярного труда, она вышла за рамки простой популяризации; много ее разделов содержат богословский и экзегетический материал, до сих пор актуальный для православного читателя и исследователя.

Интересным в контексте темы этой статьи и актуальным для дальнейшего исследования является вопрос о реальности и документированной достоверности генетической связи между первой попыткой создания Толковой Библии на основе Синодального перевода, участником которой был А. А. Олесницкий, и трудом, начатым А. П. Лопухиным. Видим, например, практическое применение в структуре ТБЛ принципов и правил, прописанных в 1877 году профессором Олесницким. Во вступительных статьях к библейским книгам видим также ссылки на уже упомянутый исагогический труд Олесницкого, созданный на основе святоотеческого наследия, высоко оцененный и фактически рекомендованный Н. Н. Глубоковским в предложениях 1896 года. А член комиссии по оценке предложений Глубоковского к изменениям в преподавании Священного Писания, ученик и последователь А. А. Олесницкого В. П. Рыбинский стал одним из авторов комментариев ТБЛ. Поэтому можно предполагать наличие идейно-концептуальной и методологической преемственности этих библейско-богословских и образовательных проектов, в разные годы планированных или осуществлявшихся с участием Киевской Духовной Академии.

Для нас же, кроме сугубо академического интереса в реконструкции истории ряда богословских и учебных проектов, определенных идейных и герменевтических программ, важным представляется урок для исследования и воссоздания именно украинской библейско-богословской культуры. А именно, для исследования прошлых и осуществления нынешних попыток создания и освоения библейского текста на украинском языке. Красноречивым и равно поучительным здесь является и опыт создания первого украинского перевода П. Кулиша — И. Пулюя — И. Нечуя-Левицкого, и опыт критического освоения перевода И. Огиенко за океаном в послевоенные годы, и опыт создания перевода И. Хоменко, а также новейший опыт четвертого украинского перевода Священного Писания под эгидой Украинского Библейского Общества.

Когда именно станет действительно актуальным создание популярной полной украинской Толковой Библии — покажет время. Однако изучение и усвоение предшествующего опыта отечественной библеистики не является лишним уже сейчас.